

АСКЕТИЗМ И МОНАШЕСТВО

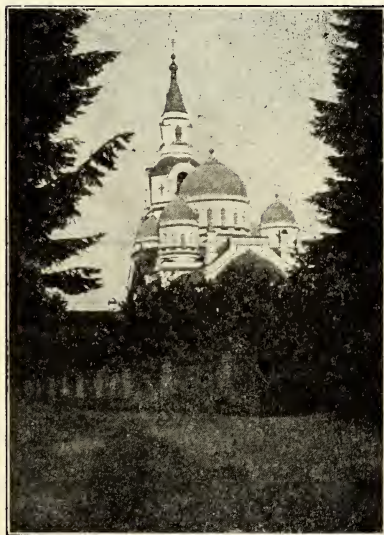

Digitized by the Internet Archive
in 2013

АСКЕТИЗМ И МОНАШЕСТВО

АСКЕТИЗМ И МОНАШЕСТВО

ИЗДАНИЕ ВАЛААМСКАГО
МОНАСТЫРЯ

ЗА НЕИМЕНЕМ В ТИПОГРАФИИ ПРЕЖНЯГО РУССКАГО
ШРИФТА НАПЕЧАТАНО ПО НОВОЙ ОРФОГРАФИИ

1943 г.

SORTAVALA
RAAMATTUTALO Oym KIRJAPAINO
1943

Об идеале монашества.

(Доклад Настоятеля Валаамского монастыря, Игумена Харитона).

По поводу бывших суждений о сохранении монастырей, прежде всего я должен сказать об идеале монашества Восточной Церкви и о внутренних психологических основах его, именно: что такое монастырь? Монастырь — это школы или приюты духовной подвижнической жизни. Это тихия пристани среди бурного житейского моря для тех, которые хотят найти себе уединение, простор, свободу, — словом, уголок тихой пристани, куда бежали древние отшельники, как и псалмопевец о сем говорит: „Кто-бы дал мне голубиные крылья, я улетел-бы и поселился; и стал-бы жить в пустыне“? (Псалом 54.)

Издавна и справедливо жизнь человеческую сравнивают с волнующимся морем или бурным водоворотом, который уносит и поглощает собою все, что ему встречается на пути.

Действительно: всматриваясь в непрерывную и быструю смену разного рода противных течений, происходящих в одной и той-же области человеческого духа, на борьбу противоположных начал, имеющих свое глубокое основание в одной и той-же человеческой воле, на ежеминутное столкновение бесконечного множества разнообразных и подчас совершенно противоположных побуждений и интересов, порождаемых человеческим самолюбием, умственный взор не может не усмотреть сходства явлений, происходящих в пучинах водной стихии, с волнением и борьбою чувствований и страстей, совершающимися в области человеческого духа. Что-же теперь такое индивидуальная личность человека в этом волнующемся море? Является — ли он только жертвою бесконечной игры разного рода волн, воздвигаемых бурей человеческих страстей, или он, как смелый пловец, отважно должен пуститься в борьбу с этими разными невзгодами и плыть, пока не достигнет тихой пристани? Как бесконечно разнообразна человеческая индивидуальность, также бесконечно разнообразно и отношение отдельных людей к этому житейскому морю. Здесь всякий живет по своему, смотря по тому, куда влекут его или выработанные тем или иным путем внутренния убеждения или же просто бессознательные инстинктивные расположения и влечения, коренящиеся в особенностях физической и духовной природы каждого.

Так или иначе сама жизнь вызывает человека на борьбу и невольно заставляет принять участие в ее круговороте. Если-же действительность и представляет нам разряд людей, которые, при полнейшем отсутствии собственной инициативы, руководствуются в своей деятельности волею других или случайными обстоятельствами, то их жалкая роль в общественном организме обуславливается не какими либо их философскими воззрениями, но именно отсутствием собственной инициативы, безхарактерностью или вялостью вообще их телесной или духовной природы, иногда-же той и другой вместе. Но таких, которые в житейском море являются более или менее спокойным людом, сравнительно не много; большая-же часть людей является беспокойным элементом

в жизненном круговороте. Для них чем беспокойнее и сильнее общественное брожение, чем в больший антагонизм вступают между собою люди, чем горячее развивается вражда между ними, тем лучше они чувствуют сами себя: они получают особенное наслаждение, участвуя в общем водовороте жизненных стихийных начал, или же просто восхищаясь созерцанием картины этой общей людской резни. Они любят эту резню и услаждаются запахом дымящейся крови, зато они не могут выносить спокойствия, тишины, — тут они чувствуют как бы прекращение своего жизненного пульса и охватываются ужасом, как будто видят приближение чудовищного призрака своей смерти. Мало того, среди этого покроя людей создается своя собственная философия, главный основной догмат которой состоит в том, что жизнь есть борьба, что первая продолжается только до тех пор, пока существует последняя, что борьба есть неперемненное условие всякого прогресса, что без нея давно уже наступили -бы застой и смерть во всем.

Но среди этой алчбы и взаимной людской ненависти, среди этого неистоваго бешенства всякого рода человеческих страстей, житейское море показывает иногда чудные, приятные видения, и взор наблюдателя, утомленный этой кровавой людской резней, спешит на них успокоиться. Являются подчас люди, сердце которых обливается кровию при виде того безчеловечия и жестокости, с какими люди стараются всячески истребить друг друга, и которые, сострадая гибнущему по собственной своей вине человечеству, проникаются искренним желанием так или иначе помочь горю и вывести людей на истинный путь счастья и добра. При господствующем современном кровавом направлении общественной деятельности, эги люди безкорыстия и самоотвержения представляют собою столь резкое противоречие духу времени, что они в продолжение всей своей жизни бывают часто не поняты, их подчас злобно осмеивают и не скупятся всячески оплевать их, как людей, выживших из ума. Смотри с сожалением на общую безумную свалку, в которой люди губят самих себя, эти пловцы житейского моря не страшатся свирепствующих

в нем бурь и непогод, но бросаются смело в борьбу с ними, хотя цель и направление их усилий в этом случае совершенно не те, какими руководствуются люди предшествующего типа. Тогда как в основе деятельности последних лежит самый узкий эгоизм, доходящий до полного безсердечия по отношению к своим ближним, которые для них не более как материал, более или менее удобный для достижения своих корыстных стремлений, и тогда как поэтому они своею деятельностью только усиливают и разжигают жизненную борьбу, видя в этом самую настоящую цену и интерес своей жизни; последние, напротив, движутся в своей жизни любовью и сочувствием к своему страждущему собрату, и поэтому все усилия их направлены к тому, чтобы сколько возможно более обезопасить ему существование и не дать ему погибнуть в волнах житейского моря. Поэтому они являются водворителями тишины и спокойствия, держась того убеждения, что счастье и процветание человечества вообще и каждого члена его в отдельности обуславливается не борьбою за существование, но чувством взаимной любви и доверия друг к другу, что мир и согласие между людьми служат основанием более действительного прогресса и более прочного благосостояния людей, чем принцип вражды и взаимной борьбы; но такие пловцы в житейском море, такие носители и провозвестники гуманных начал любви и мира представляют собою сравнительно очень редкое явление, пожалуй, как исключение, не подходящее под общее направление общественной жизни. И большею частью такие борцы с людскою неправдою в конце концов делаются жертвами людской ненависти и погибают, не достигая исполнения своих заветных желаний.

Но из этого пестрого множества разного типа людей, производящих на поверхности житейского моря разнообразные явления, то бурные и грозные, наполняющие душу тревогой и ужасом, то тихие и спокойные, поселяющие в душе мирные чувства тихой радости, выделяется разряд людей, который не может быть отнесен ни к одному из предшествующих. Не участвуя и не желая даже участвовать в общественной жизни и ее интересах, этот тип людей тем

не менее не может и равнодушно относиться к явлениям общественным; напротив, последние затрагивают их самым чувствительным образом. Но затрагивая их так, явления общественной жизни не в силах ни увлечь их своим интересом и возбудить к деятельному участию в своем течении, ни вовлечь их в борьбу и сделать их таким образом одними из борцов, усиливающих на театре житейской междоусобной брани выйти победителями.

Это — люди, у которых высшие духовные интересы преобладают над интересами житейскими, в которых религиозно-нравственные потребности заявляют о себе несравненно сильнее, чем все прочия, так что они овладевают всем существом их. Само собою понятно, что такого рода люди не могут чувствовать в себе склонности принимать какое либо участие в житейских интересах, так как по своему направлению они стоят выше всего житейского. К самым повидимому невинным радостям и удовольствиям мирским они могут относиться не иначе, как отрицательно; потому что как бы ни были сами по себе невинны эти радости и удовольствия, но все же они не могут быть свободны от нечистой окраски житейского духа уже по тому одному, что постоянно разделяются людьми, обуреваемыми разного рода страстями, которыя, так сказать, самым дыханием своим оскверняют все чистое и святое и сообщают нечистый характер и самому высокому и благородному. Не могут они и вступить в деятельную борьбу с существующим в разных видах общественным злом, потому что это значило бы погрузиться в тот житейский круговорот, который так противен господствующему направлению их духа, познакомиться и вкусить всех гадостей, порождаемых человеческими страстями, одно соприкосновение с которыми производит внутри их некоторого рода болезненное ощущение. Они как бы в полном смысле исполняют совет Апостола: „Не любите мира, ни того, что в мире“. По своему душевному настроению они стремятся к тому невозмутимому внутреннему спокойствию, к тому равновесию духа, которых невозможно приобрести при участии в явлениях житейского моря, но которыя составляют

единственное необходимое условие сколько нибудь полного удовлетворения религиозно-нравственных потребностей человека. И потому понятно, как несродны их духу и как противоречат их основным духовным стремлениям та чисто стихийная людская борьба страстей, то столкновение и сплетение больших и мелких житейских интересов, из которых вообще образуется течение общественной жизни; понятно даже становится и то, что такого истроения люди спешат как нибудь разделаться с этим грешным, беспокойным миром, уйти от него подальше и найти такой тихий уединенный уголок, где бы им ничто не мешало достигнуть внутреннего спокойствия и равновесия духа, при которых бы они уже вполне свободно и безпрепятственно могли отдаться своим религиозно-нравственным стремлениям.

Вот, по нашему мнению, внутренние психологические основания, в силу которых издавна существовал особый тип людей, именуемых иноками.

Вследствие своего нерасположения участвовать в явлениях и интересах житейского мира и вместе чувствуя в себе особенное влечение питаться интересами исключительно религиозно-нравственными, инок бежал из мирского общества, которое вовсе не представляло благоприятных условий для утоления его духовной жажды, и удалялся в дремучие леса, глухия пустыни, непроходимыя дебри и тому подобное, вообще туда, где уже не слышно более тревожного людского говора и житейской суеты, где он уже свободно мог сосредоточиваться на самом себе и внутри своего духа спокойно заниматься и созерцать предметы, к которым его внимание не могло надлежащим образом приковаться при шуме суетного мира. И когда случайно или намеренно сходились между собою несколько лиц, одинаково нерасположенных к суетным мирским интересам, одинаково чувствующих в себе внутреннее влечение к созерцанию и занятию духовными предметами, то они составляли из себя общества, братства, которые принято называть иноческими, так как они носят на себе иной характер, отличный от всех других обществ, основывающихся разного рода корпо-

рациями мирских людей, и существуют в иных местах, удаленных от прочаго житейского мира.

Здесь поэтому совершенно изгонится, как вполне противное задачам и целям иноческой жизни, то, что служит основанием общественной жизни житейского мира, но, что вместе с тем, является главною причиною той розни между людьми, их несогласия и вражды между собою и вообще того разгара страстей, который иногда своим ужасным заревом приводит в трепет все человечество.

Здесь между членами общества нет различия по знатности или незнатности происхождения, по важному или значительному чину на общественной лестнице, по богатству или бедности, по высокой или низкой степени умственного образования и воспитания, — все они братья между собою, потому что родственны друг другу по единству своих духовных стремлений, и все они равны между собою, потому что во всех них одинаково лежит возможность как к нравственному падению, так и к нравственному самоусовершенствованию, в достижении целей которого не имеет значения ни знатность рода, ни богатство, ни образование и тому подобное.

Если между членами этого общества и существует какое либо различие, и если вследствие этого они неизбежно и находятся между собою в отношении некоторого подчинения друг ко другу, то это опять имеет другое значение, чем какое мы находим в установлении иерархической лестницы в жизни мирского общества. В иноческой общине один брат подчиняется другому на основании различия в степени духовной зрелости и нравственной устойчивости, в силу которых один невольно чувствует превосходство другого и вследствие этого также невольно подчиняется его руководству, как более опытному в жизненной практической науке нравственного самоусовершенствования. Таким образом, если в жизни гражданских обществ члены его поставляются во взаимную подчиненную зависимость внешнею принудительною силою, и если потому эта зависимость каждым переносится по необходимости, как неизбежное зло, от которого каждый при первой возможности стремится освободиться как от тяжкого

бремени, как от тяжелой неволи, препятствующей свободно встать и дышать свежим воздухом; то в иноческом союзе людей члены находятся во взаимном подчинении не вследствие внешнего принуждения, не из страха бдительности полицейского надзора, но вследствие внутреннего свободного побуждения, имеющего своим источником сознательное убеждение одного в духовном превосходстве другого и в необходимости поэтому подчинить себя его опытному руководству. И такое подчинение разумеется гораздо прочнее, чем всякое другое, основанное на внешнем принудительном начале, зависимое поэтому от чисто случайных обстоятельств.

Первоначально простая и чрезвычайно несложная жизнь нескольких пустынников, состоящая с одной стороны в умственном созерцании и размышлении о предметах духовного мира, а с другой — в развитии и укреплении своей воли на началах добра путем духовных подвигов, с течением времени, с увеличением числа людей, ищущих иноческого жития, все более и более усложнялась, так что явилась потребность составить известные правила, которые нужно было положить в основу иноческой жизни и которые сообщили-бы ей своеобразный характер строго определенного, соответствующего своим основным задачам органического целого. Так с течением времени являются разного рода монастырские уставы, имеющие целью всю жизнь инока подчинить строго определенным правилам. Но как бы то ни было отличны друг от друга эти уставы в разного рода частностях, в основном все они согласны между собою, именно: все они в основу иноческой жизни полагают одни и те же главные принципы, или обеты: целомудрия, послушания и нестяжательности и, как главные средства к достижению этих целей, — пост и молитву. Полагая в основание иноческой жизни эти три принципа, составители уставов сообщили ей столь определенный характер, что она по своей своеобразности резко стала отличаться от мирской жизни и, требуя от новопоступающих членов этих обетов, они думали этим поставить их в условия всего более способствующие достижению тех

высоких первоначальных стремлений, которые располагают человека искать иноческого жития.

Они требовали обета целомудрия без сомнения потому, что считали это единственным средством к приобретению господства духа над влечениями плоти, препятствующими ему находить покой и удовлетворение в самом себе и питаться средствами, вполне ему сродными. С другой стороны этот обет положительным образом преграждал путь к брачной жизни, которая главным образом не могла согласоваться с основными стремлениями инока, так как волей-неволей связывала его с мирским обществом, вследствие чего дух его не мог быть вполне спокоен от разного рода житейских попечений.

Обет послушания служит оплотом от притязаний человеческого самолюбия и гордости, составляющих первоначальную и основную причину той исконной борьбы, в которой человечество безжалостно и с замечательной настойчивостью и остервенением поедает само себя. Гордость и самолюбие — враги тем более для инока опасные, что они одинаково воюют как на открытом и обширном театре общественной жизни, так и в замкнутой тесной келлии одинокаго монаха; они тихо и незаметно могут подкрадываться к своей жертве и свивать себе гнездо там, где для их существования повидимому нет никаких благоприятствующих условий. Поэтому-то смирение и послушание всегда по справедливости считались главными неотъемлемыми принадлежностями истиннаго инока, без которых он совершенно не мог быть тем, чем он должен быть по идее, так как при них только все прочия иноческие добродетели приобретают истинный характер и настоящую цену. Они составляют таким образом тот пробный камень, на котором испытывается действительная духовная зрелость инока, потому что они, можно сказать, составляют первые обнаружения той христианской любви к Богу и ближним, без которой, по слову Апостола, всякая добродетель есть не более, как „медь звенящая и кимвал бряцающий“.

Исполнение обетов нестяжательности есть главное условие к достижению полнейшаго безкорыстия, благодаря

которому человек совершенно равнодушно и безстрастно смотрит на источники приобретения разного рода земных благ. Богатство открывает широкий путь ко всем чувственным удовольствиям и всегда служит причиною искушения попытать счастья в разного рода спекуляциях, на которые так падок нынешний капиталистический мир. И потому как скоро бес сребролюбия обуяет инока, он уже погиб для иночества; его взор, который должен быть обращен горе, — опускается долу и приковывается к предметам, о которых истинному иноку и думать не подобает. Поэтому монах в полном смысле должен быть нищим, не имея у себя ничего такого, что располагало бы его дух к каким либо корыстолюбивым мечтаниям, отвлекающим его от истинной цели его первоначальных стремлений. Потому то иноческая жизнь на первых порах везде принимала форму общин, где каждый член не имел ничего своего, но что приобретал своим трудом — все должен был отдавать в общее пользование.

Пост, как ограничение себя самыми скудными родами яств и питий, необходим для инока как средство „совлечь с себя ветхаго человека“, угасить то греховное пламя страстей, которое часто тревожит дух человека и мешает ему заниматься предметами духовными и которое своим источником имеет тело с его ненасытными пожеланиями. Нужно изъять из себя это жало греха, довести себя до такого состояния, чтобы как можно менее чувствовать на себе эту бременную телесную оболочку, чтобы дух тем беспрепятственнее и свободнее мог работать в собственной области и заниматься тем, что соответствует его истинной природе. Средством к этому и служит для инока именно пост, не дающий пищи пожеланиям плоти и способствующий духу быть постоянно на страже своего великого дела.

Молитва, как постоянное обращение ума к Богу, есть такого рода деятельность, которая сама собою вытекает из внутренних стремлений истинного монаха, добровольно удалившагося от прелестей житейского мира, питаться которыми он не чувствовал в себе никакого расположения. С одной стороны она есть могучее средство к отрешению ума от

занятия вещами житейскими и сосредоточению всего внимания на высочайшем Существе и предметах горняго мира, — с другой она служит для духа таким-же средством к нравственному воспитанию себя в сознании своего ничтожества сравнительно с неизреченным величием Божества, к подавлению в себе того мятежного, самолюбиваго и горделиваго духа, который был причиною падения и светлаго ангела и который тем более может гнездиться в человеке, достигшем повидимому высокой степени нравственного совершенства.

Таким образом пост и молитва являются необходимыми средствами, ведущими к одной и тойже цели: к упражнению воли в делании добра, к приобучению ее подавлять суетныя, похотливыя пожелания плоти и себялюбивыя влечения духа.

Таковы истинныя побуждения и цели древняго инока, таков первоначально он и был на самом деле. Невольно преклоняешься пред величием этого типа, дошедшаго до полного безстрастия по отношению к житейской суете, до деятельнаго сознательнаго убеждения в ничтожестве всего, что носит на себе печать похотливаго, самолюбиваго мирскаго духа, жившаго только для того, чтобы „чаять Бога спасающаго от малодушия и бури“, воздвигаемой страстями человеческими. В высшей степени симпатичен этот образ прежняго иноческаго общежития, основаннаго на взаимном послушании и подчинении членов его, где не было никаких внешних отличий и преимуществ, обыкновенно питающих человеческое самолюбие и порождающих только зависть и недоверие друг ко другу, где царило беззаветное взаимное доверие и любовь и возникающая отсюда готовность услужить и помочь немощному брату, где никто не имел ничего у себя своего, но и самаго себя и все свои труды безкорыстно передавал на пользу общую.

С благоговейным изумлением всегда остановится внимание всякаго, встретившись с величавым типом древних иноков, которые, скажем словами одного известнаго проповедника „побежали в пустыню, где поскольку более устранились от

тварей, постольку ближе могли ощущать Бога; отреклись от земного брака, дабы вместо того тем свободнее уготовлять себя единому небесному браку Агнца (Апокалипсис XIX, 9); облеклись мрачною одеждою, чтобы желание украшения не имело иного предмета, как виссон оправдания святых (—, 8); осудили себя на глад и жажду, чтобы чувственное насыщение не притупило глаза к духовной вечери (—, 9) царствия Божия; удалились, так сказать, на самую границу видимого и невидимого мира и в сообразность с назначением к невидимому, добровольно и благовременно перенесли туда и мысль и сердце, и если принуждены оставить здесь бренное тело, то по крайней мере стараются постом, бдением и другими подвигами очищать и утончать его так, чтобы не столько оно отягчало душу (Прем. IX, 15), сколько душа облегчала его и воскреляла, дабы оно, сколько можно, менее препятствовало им подражать жизни безплотных и принимать благодатныя посещения Святаго Духа“.

Но издавна раздавались и до сего времени продолжают раздаваться и даже, можно сказать, чем далее, тем с большею силою, разные упреки и возражения, направленные против существования и значения этого типа человеческого общежития. Для чего, говорят, удаляться в пустыню, презирать мир, уклоняться от общественной деятельности. Не свидетельствует-ли это с одной стороны о величайшей гордости, с презрением относящейся и сторонящейся от людского общества, а с другой — о неизвинительной ничем лености, уклоняющейся от трезвой общественной деятельности и предпочитающей довольствоваться личною созерцательною жизнью, от которой нет никому никакой пользы. На первый вопрос нам нечего уже, отвечать, так как ответ заключается уже в предшествующих разсуждениях наших, когда мы говорили о внутренних психологических основаниях, располагающих человека удаляться от мира и искать уединения в пустыне. Здесь-же для подкрепления нашей мысли приведем слова известного в свое время церковнаго витии, понимавшаго, разумеется, идею монашества глубже и полнее, чем кто либо, и который на предполагаемое возражение против удаления

в пустыню: „Не на всяком-ли месте можно поставлять Богу обитель в душе и поклоняться Ему духом и истиною“ — отвечает: „На всяком месте владычества Его благослови, душе моя, Господа“ (Пс. 102, 22). „Но что-же делать“, продолжает он, „если сие благословенное приглашение всюду и всегда благословлять Господа не успешно повторяю в душе моей от того, что мир в тоже время не переставая оглашает и оглушает ее своими разнообразными гласами требований, прельщений, смущения, развлечения, нужд, забот, страстей, похотей, и она не находит довольно силы противоборствовать сему или, утомленная противоборством, жаждет приблизиться к Богу, без препятствий со стороны тварей, служить Ему без развлечения. — В сем случае не остается иного, как расторгнув всякия узы, привязывающие нас к миру, бежать из него, как израильтяне из Египта, как Лот из Содомы, и учредить для себя в пустыне новое жительство добровольного изгнаничества, в котором-бы все внушало нам, 'что не имамы зде пребывающего града, но грядущаго взыскуем'“.

— Ныне, прибавим мы еще от себя, постоянно твердят о свободе развития, то есть о предоставлении человеческому существу по возможности всех условий, способствующих беспрепятственному раскрытию его законных внутренних потребностей и влечений, справедливо думая, что на этом основывается успешный ход развития человечества, — так неужели же в числе этих потребностей и влечений, стремления к иноческому житию не имеют никаких прав на существование? Мы думаем напротив, что чем возвышеннее стремление, тем оно сообразнее с истинною природою человека и, следовательно законнее, тем бережнее должно относиться к его существованию. И если человек находит удобным удовлетворить своим религиозно-нравственным потребностям, которые говорят в нем сильнее, чем все прочия, только в пустыне, — то можно-ли упрекать его за это? Со стороны инока требуется только в этом случае, чтобы он удалясь в пустыню из грешнаго мира, вполне отряс прах от ног своих, чтобы он как нибудь не зацепил с собою какой нибудь скверны житейской и явившись в среду пустынножителей, не

осквернил собою святость их нравственного принципа и не произвел бы таким образом „мерзости запустения на месте святе“. Здесь мы опять не можем отказать себе в удовольствии, чтобы в назидание отрекающимся от мира в настоящее время, чреватое множеством неустойчивых и шатких направлений, не привести на память слов того-же мудраго иерарха: „Очень нужно нам“, говорит он обращаясь к инокам, „испытывать себя, точно-ли мы удалились из мира, что пожелали благоугождать единому Богу, а не потому, что мир нам не благоприятствовал. В самом удалении от мира, не унесли-ли мы с собою, как Рахиль из дома Лаванова, богов, которым в мире служат, — идолов гордости, корыстолюбия и плотоугодия? Или в самой пустыне, подобно израильтянам, не слияли-ли себе новых идолов, вместо тех, которых оставили в Египте? Чувствуем-ли мы себя ближе к Богу внутренно с тех пор, как наружно стали далеко от мира? Отрекшись от преимуществ и обладания в мире, не искушаемся-ли желанием преимуществ и старейшинства между собратиями? Жизнь, предназначенную исключительно для подвигов духовных, не обращаем-ли в одно успокоение плоти? Благословен мирный сын пустыни, которому при таком испытании „не зазирает сердце его“ он „будет иметь дерзновение к Богу“ (I Иоанн III, 21). Благо и тому, коему, при сознании некоторых претканий и падений, покаянная мысль и сокрушенное сердце обещают надежду прощения и утешения. Горесте сеятелю соблазов, который в самую пустыню принеся с собою мир и его скверны, нарушает ее духовную святину. Троякий суд падает на главу его: суд греха, суд нарушения обетов и суд ядовитого соблазна“.

Что-же касается до упрека в гордости, вследствие которой инок, слишком будтобы высоко думая о своем нравственном превосходстве, не желает сообщаться с людьми, то из предшествующаго ясно опять, что не гордость побуждает инок подвергать себя лишениям пустынной жизни и добровольно отрекаться от удобств жизни общественной, а напротив — смиренное сознание своего безсилия бороться с разнаго рода злом в мире, живя среди самага мира, убеждение в своей

духовной немощи притупить в себе жало греховное, вращаясь среди предметов, питающих и обостряющих это жало.

О лени и инока, будто избегающего серьезной общественной деятельности и избирающего себе легкое и приятное занятие созерцательною жизнью, может говорить только тот, кто никогда не задавался вопросом о своем нравственном усовершенствовании, и кто поэтому совершенно не понимает, какую тяжелую борьбу и сколько тяжких нравственных подвигов приходится испытать человеку, поставившему задачею своей жизни одержать победу над плотью и доставить свободу духу и его бескорыстным требованиям. Давно известно уже, что от всего может убежать и скрыться человек, от всяких искушений и соблазнов, не может он только спастись от самого себя, от своих собственных плотских вожделений и своекорыстных самолюбных влечений, противодействующих духу в его возвышенных и благородных стремлениях. И эта внутренняя борьба с самим собою так велика, требует такой твердости, такого постоянства, упорства и настойчивой воли, что не даром древняя иноческая пустыня по справедливости считалась всегда представительницею таких несокрушимых, цельных нравственных характеров, какие может воспитать только пустыня с ее диким одиночеством, требующим сосредоточенности и самоуглубления духа, а не тревожная общественная жизнь со всеми ее условиями, располагающими к рассеянности и заставляющими личность разменивать на разные мелкие монеты. Так несправедливо, следовательно, пустынную жизнь иноков считать легким занятием и приятным препровождением времени, свободным от характера трезвой деятельности и располагающим человека более к лени и усыплению.

Но положим, говорят, трудную борьбу приходится вести иноку в пустыне, тяжело его бремя и велики и даже удивительны его подвиги самоотречения, но что они значат в общей мировой жизни человечества, какую приносят они ему пользу. Не ограничивается ли все значение их ими самими и той-же дикой пустыней с ее обитателями, для остального-же человечества эти герои духа останутся навсегда

существами совершенно погибшими. Возражение это в сущности дела есть перенесение в сферу давнишнего спора, существующаго в литературе и искусстве между идеализмом и реализмом. Как в литературе и искусстве достоинство произведений, по нашему мнению, обуславливается главным образом не удовлетворением их требованиям времени и прихотливым вкусам современников, — иначе-бы пришлось в известную эпоху и при господстве известных требований читающей публики, плохой трактат, например о картофеле, поставить выше произведений Пушкина, а соответствием их с известною идеею поэзии или искусства, так как только в этом случае произведение будет иметь не временное, а вечное значение, как способное питать ум и сердце не одних только современников, но и будущее поколение; так и в жизни достоинство деятельности человека и объем ея зависит не от видимой только и осязательной практической пользы, но и от идеального ея направления и характера; в противном случае защитники крайних утилитарных начал, будучи последовательны себе, должны будут портных, сапожников, хлебопечков и тому подобное поставить в разряд самых первых и полезных двигателей в общественной жизни, а ученых, например, проводящих свою жизнь над разбором и сличением разнаго рода заплесневелых и пыльных манускриптов, считать за людей совершенно не годных. Тогда пришлось-бы закрыть все академии и университеты, как вещи совершенно бесполезныя, и удовольствоваться открытием и распространением просто мастерских, как единственно полезных разсадников настоящей здоровой цивилизации, откуда могут выходить люди, имеющие быть истинными благодетелями человечества. До таких абсурдов можно доходить, будучи последовательным в проведении принципов узкаго утилитаризма.

Если в человеке живут высшия и низшия потребности и если высота человеческой общественной деятельности справедливо определяется тем, насколько она выражает собою лучшия стремления человеческого духа, то жизнь инока, как выражение самых идеальных и благороднейших стремлений человека, не может не иметь и соответствующаго высокаго

значения в общей мировой жизни человечества. Миру, поглощенному своими ежедневными заботами и житейскою суетою, не имеющему времени, а часто и охоты скольконибудь подумать, что существуют еще какие-то особые интересы, кроме ближайших, практических, — миру, часто задыхающемуся и угарающему от дыма и чада своих собственных пылающих страстей, эти скромные отшельники из своей отдаленной тихой пустыни всегда светили, как яркие немерцающие звезды, изливающие на него свой ласкающий свет. Они всегда напоминали ему о другом высшем мире и служили для него одним из самых сильных противоядий против опьянения земными чувственными удовольствиями. А когда эти отшельники, проживши несколько десятков лет в одной какой-нибудь пещере, в години общественных бедствий и затруднений, вдруг оставляли свою дикую пустыню и внезапно являлись на городской людной площади, то изумленному таким неожиданным видением они поистине являлись как-бы пришельцами из другой, неземной области, и их слова, подобно речам древних пророков, получали для них значение словес Бога, — спасающего людей от малодушия и от буреи.

Так несправедливы нападки, направленные против значения иноческой жизни.

В настоящее время не редко приходится слышать и даже читать в печати мнение, по которому наши православные монастыри будто-бы уже отжили свое время. Некогда, говорят, — они были полезны и даже необходимы, как единственные центры просвещения, как распространители высшей культуры в народе, а теперь потеряли это значение. Просветительными центрами вместо них стали школы, в культурном отношении монастыри уже не идут впереди, а позади окружающего их общества. Итак, говорят, зачем теперь нам нужны монастыри. Они представляют из себя лишь какой-то исторический пережиток, потерявший живое значение. Если их хотят оживить, если хотят, чтобы они снова имели значение в общественной жизни, нужно изменить их характер, нужно дать им другое назначение, нужно сделать их учреж-

дениями благотворительными. Они большею частью расположены в здоровых и живописных местах, нужно устраивать при них санатории, приюты, богадельни, школы и тому подобное. Тогда наши монастыри снова получают смысл и будут полезны народу.

Эта подмена одного монашеского идеала другим совершается, правда, по самым добрым побуждениям, но тем более грустно сознавать, что даже самые добрые люди не понимают ясно истинного назначения монашества и не замечают его общественного значения в его настоящем виде.

Идеал монашества и его назначение заключается вовсе не в служении ближнему делами благотворительности. Если бы таков был идеал монашества, то не уходили бы в пустыню ни преподобные Павел Фивейский и Антоний Великий, ни пр. Антоний и Феодосий Печерские, Сергей Радонежский и их безчисленные ученики и последователи. Что же влекло их в пустыню? Что заставляло их покидать свои дома, своих родных и друзей, идти в непроходимые дебри, подвергаться страшным лишениям пустынного жития? Желание помогать ближним. Но для этого не нужно уходить от ближних. Единственной причиной их удаления от мира было пламенное желание освободиться от страшной, губящей душу силы мира сего и царствующаго в нем „князя века сего“. Уходя в пустыню, они сбрасывали с себя все узы мира сего и освободившись от них не только внешним, но и внутренним, духовным образом, могли нераздельно, всем сердцем прилепиться к единому Богу и предаться великому подвигу очищения своего сердца от страстей. Желание выйти из под духовного владычества „мира“ и победить свои греховные влечения заставило их подвергать себя самым страшным лишениям и испытаниям.

Лица, порицающие нами монастыри за их отсталость в деле распространения просвещения в народе, имеют обыкновенно самое узкое и одностороннее понятие о просвещении, и так как просвещение, распространяемое монастырями не подходит под это понятие, то они и утверждают, что монастыри не имеют просветительного значения.

Существует три рода просвещения.

Первый вид состоит в том, что человек учится читать и писать, приобретает сведения из математики, истории, географии, физики, химии и пр. Словом обогащает свой ум познаниями и умственно развивается. Это — то просвещение, которое, некогда, действительно, ютилось при монастырях, потом сосредоточивалось в школах и которое Православная Церковь именует „внешним“ просвещением, потому внешним, что оно, давая человеку знание, и развивая его умственные способности, нисколько не изменяет внутреннего состояния его души, расположения, его воли и чувства. Можно обладать этим просвещением в самых широких размерах и пользоваться им не на добро, а на зло, на удовлетворение своих грубо-эгоистических стремлений; это — нож обоюду острый, которым можно резать хлеб и убивать человека, смотря по тому, в чьих руках он находится. Мир ценит это просвещение и ставит его очень высоко: от его всеобщего распространения зависит, по мнению многих, всеобщее счастье; оно составляет единственный предмет усвоения во всех наших низших, средних и высших учебных заведениях; но Церковь так высоко его не ставит: в ряду видов просвещения она отводит ему низшее место, именно потому, что оно дает человеку знания, но не изменяет к добру его души. Порицатели монастырей, часто зная только этот один вид просвещения и замечая, что монастыри не распространяют в народе сведений по естественным наукам и политической экономии, начинают говорить, что монастыри де перестали быть центрами просвещения. Впрочем, уже по немногу начинают сознавать, что в одном обогащении ума познаниями еще не заключается истинного просвещения, ибо ясно, что самая обширная познания не предохраняют людей от совершения преступлений, от отчаяния, самоубийств и душевного расстройства. И вот заговорили о том, что наши учебные заведения должны не только давать знания своим воспитанникам, но и воспитывать их волю и чувства.

Английский писатель Герберт Спенсер писал следующее: „Общество, до крайности развращенное, может состоять из

людей, которые по остроте ума равняются Мефистофелю, и наоборот, хотя члены данного общества тупы и не развиты, само общество может быть полно счастья, если его члены добросовестно удовлетворяют потребности своих ближних и высказывают им деятельное сочувствие. Вполне уяснив себе значение этой истины, люди стали бы ценить гораздо выше деликатную и не навязчивую доброту, и превозносить гораздо менее тех, заслуги которых состоят только в умственных дарованиях. Повсюду слышен крик: образование, образование, образование! Но усовершенствование слуги, то есть ума, только дает возможность господам, то есть страстям, легче достигать своих целей“.

Время, которое мы переживаем теперь, есть время болезненное для большинства нашей интеллигенции, развитие доминирующего класса образованных людей сложилось не нормально: переразвит разум и недоразвиты возвышенные чувства сердца. Что же делать, чтобы облегчить эту уродливо сложившуюся для нас тяжесть жизни, что делать, чтобы излечить все эти временные болезни души человеческой. На эти неотступные вопросы дает ответ философия великих христианских подвижников. Вникнув в эту философию, мы видим наше главное зло. Зло это в том, что мы, устремивши все силы на развитие нашего мозга, забыли про наше сердце, подавили наши светлые, добрые способности, подавили невинность чувства нашего, что мы холодным умом разрушаем любовь. Неудовлетворенность этого сердца и дает себя чувствовать изстрадавшимся людям. И выход из этого один. Надо начать работать над собою, давая пищу и сердцу. Сердце, как орган религиозного восприятия, должен быть отличаем от души, ума, духа, от сознания вообще. Оно глубже и так сказать центральнее, чем психологический центр сознания. Сердце есть центр не только сознания, но и бессознательного, не только души, но и духа, не только духа, но и тела, не только ума постигаемого, но и не постигаемого: одним словом, оно есть абсолютный центр.

Чрезвычайно характерная особенность восточного христианства состоит в том, что для него ум — интеллект,

разум никогда не есть последняя основа, фундамент жизни: умственное размышление о Боге не есть подлинное религиозное восприятие. Восточные Отцы Церкви и старцы дают такое указание для подлинного религиозного опыта: „нужно умом в сердце стоять“. Один старец говорит про современного человека: „вот у него ум, вот — сердце, а между ними каменная стена.“ Эта стена и делает невозможную истинную религиозную жизнь. Ученый европеец знает много, часто знает и Библию, знаком и с мистикой, и с теологией, и с оккультизмом. Но все это — только знание, только любопытство. Отдельно существует совокупность знаний и совершенно отдельно, отделенною от него стеною, живет сердце, потерявшее свое великое значение, свою центральность, свое право быть фундаментом всего. Ум не стоит в сердце: он стоит отдельно, он не согревается теплотою сердца. Вся наша цивилизация, ведущая происхождение от Ренессанса, вся эта безрелигиозная цивилизация хочет лишить сердце его центрального положения и дать это центральное положение уму, науке, познанию. В этом смысле пророческим для всякого новейшего интеллектуализма остается изречение Леонардо да Винчи: „великая любовь есть дочь великого познания“. Мы — христиане Востока, можем сказать, как раз обратное: „великое познание есть дитя великой любви“.

Перейдем теперь ко второму роду просвещения.

Это просвещение состоит в усвоении истин религии и нравственности, то есть тех именно истин, которые дают ответ на самые важные для каждого человека вопросы о смысле и цели его существования. Казалось бы чего еще лучше. Человек изучает св. писание, творения Отцев Церкви, церковную историю, богословие, различные системы философии и нравственности. Но, к сожалению, изучая все эти предметы, столь различные от вышеупомянутых по своему содержанию, человек не редко усваивает их тем-же самым образом, способом, — внешним, механическим — одною памятью, а потому душа его при этом остается не затронутой. Изменен предмет изучения, но отношение к нему не изменилось. Знания человека и в этом случае являются внеш-

ними, не проникают в глубину души его, не влияют на его жизнь.

Обратимся теперь к третьему роду просвещения.

Это просвещение по справедливости можно назвать внутренним или духовным. Оно не гонится за количеством сведений, но стремится и малыми сведениями просветить всего человека. Как и второй вид просвещения, оно сообщает человеку познание истин религиозных и нравственных, но сообщает их не уму только, не памяти, а сердцу и всему существу человека, дает человеку возможность опытно ощутить их. Вследствие этого оно духовно обновляет человека, совершенно изменяет его понятия, желания, стремления, заставляет его ощутить как бы новую жизнь. Оно очищает человека от всего греховного, мрачного, унылого, дает ему чистое радостное сердце, запечатлевает в нем образ Христа, созидает в душе его Царствие Божие.

Чтобы яснее показать сущность этого вида просвещения, приведем несколько примеров. Каждый, знакомый с св. Писанием, знает, что там есть такие слова: „Начало премудрости страх Божий“. Слова эти можно заучить внешним образом: сохранять их только в памяти, при этом они никакого изменения в настроении души человека не производят. Но можно эти-же самые слова изучить совершенно иначе: можно научиться ощущать страх Божий, благоговеть пред Богом, так что это чувство делается основным настроением сердца и руководителем всей жизни. Это будет опытное постижение страха Божия, третий вид просвещения. И каждый согласится с тем, что постижение одного этого религиозного ощущения собственным опытом важнее теоретического усвоения всего св. Писания. Не даром же оно именуется: „началом премудрости.“

Возьмем другой пример. Спаситель наш говорит: „Блаженни нищии духом, яко тех есть царство небесное; блаженни плачущии, яко тии утешатся“. Всем нам известны эти слова Его, но известны теоретически. Мы их помним, но не ощущаем их содержания. И только смиренный может постигнуть блаженство смирения; и только умеющий плакать

знает блаженство слез. Итак очевидно, чем отличается третий вид просвещения от второго: он отличается не по содержанию своему, ибо содержанием того и другого равным образом являются религиозно-нравственные истины; он отличается тем, что в то время, как второй вид просвещения показывает эти истины с внешней их стороны, третий-же вид просвещения вводит в самую сердцевину их. Употребляя простое и грубое, но верное сравнение, можно так сказать: усваивающий религиозно-нравственные истины вторым способом просвещения подобен человеку, который заключает о достоинстве какого либо вкусного кушанья по его внешнему виду, а изучающий их третьим способом просвещения подобен тому, кто ест это кушанье.

Если мы посмотрим теперь, какие виды просвещения существуют в нашем обществе, то увидим, что, кроме первых двух видов, иных оно не знает. Что касается третьего вида просвещения, то он совершенно ему не известен. Присмотритесь вы, в самом деле, к нашим образованным людям, прислушайтесь к их разговорам и интересам, услышите-ли вы где нибудь беседу о том, как приобрести страх Божий, как отделаться от тщеславия и победить гордость, как научиться искренней и горячей молитве, любви и тому подобное. Если-же вы и услышите где нибудь подобные разговоры, то это прямо признак того, что ведущие их побывали в монастыре.

Таким образом, третий вид просвещения существует лишь в монастырях и оттуда распространяется среди остального общества. И, действительно, не видим-ли мы постоянно, что все те, которые серьезно задумываются о душе своей, над своим религиозно-нравственным состоянием, захотят учиться страху Божию, молитве, найти утешение в тяжком горе, тотчас-же отправляются в монастырь, стараются пожить в монастырской обстановке, надышаться, так сказать, монастырским воздухом, замечательно успокоительно и целительно действующим на душу. Что-же это значит. — Это значит, что алчущая и жаждущая правды Божией душа не находит себе пищи, не находит себе ответа на свои серьезнейшие

запросы в мире; это значит, что только в монастырях сосредоточена та светлая духовная, истинно-христианская жизнь, без которой задыхается истинно-живая душа.

Итак пусть в наших монастырях даже и совсем не было бы двух первых видов просвещения, мы не стали-бы жалеть об этом, так как об этих двух видах просвещения и без нас заботится мир. Лишь бы только в них существовал тот последний вид истинного просвещения, который обновляет и оживляет всю душу человека, дает ей истинное счастье и невозмутимый мир, наполняет ее добрыми и чистыми стремлениями.

Вся цель иноческой жизни и подвига — очистить свое сердце от страстей, сделать его обителью непрестанной Иисусовой молитвы. Отсечением от своей воли и разума, постоянное и неуклонное внимание к тому, что творится в сердце и, как неперемнное условие для сего — удаление от мира, уединение, — вот что жаждет душа истинного монаха. На вопрос: зачем он убежал в пустыню из мира, он мог-бы ответить словами царственного псалмопевца: „Се удалихся, бегая и водворихся в пустыни, чаях Бога, спасающего мя от малодушия и бури“. Я видел в мире треволнения и бури житейския, я видел, как много опасности грозило душе моей среди мира и его суеты; я видел и чувствовал, что мир поставит мне непреодолимая препятствия в моем стремлении к единому на потребу, и я убежал из мира. Я хочу оплакивать грехи мои наедине с Богом; хочу все желания мои, все помыслы мои сосредоточить в одном: как бы очистить свое сердце от страстей, чтобы потом всецело отдать это сердце моему Господу, посвятить Ему Единому всю жизнь мою, — Ему спасающему меня от малодушия и уныния, от рассеянности и от бурных порывов страстей. Пусть мир забудет меня, пусть и я умру для него: я безраздельно хочу принадлежать единому моему Господу. Полное одиночество, если уж не в горах и пропастях земных, если не в дремучих лесах, — это мне грешному было-бы не по силам, то по крайней мере, в тишине моей скромной келлии, — вот чего жещдет душа моя, чтоб ничье любопытное око не заглядывало ко

мне, и я войду во внутреннюю храмину своего сердца, и затворю за собою двери, забуду о всем, что в мире, и предстану в молитве моей Единому, Вездесущему, Всеблагому, Всеведущему, буду плакать пред Ним, повергаясь во прах в сладких слезах. Вот тот святой идеал, к которому стремится душа, неліцемерно жаждущаго подвига иноческаго.

Таков путь веры, открытый нам Христом. Самым-же чистым и совершеннейшим выражением этого пути и является монашество. Монах — тот, кто отказался от мысли спасти себя каким либо внешним деланием или каким нибудь полезным служением человечеству. Свое призвание, главную цель и весь смысл своей жизни монах видит в молитве, к которой и сводит все свое делание. Достигнута эта цель, приобрел монах благодатное настроение духа, выражающееся в непрестанном горении к небу, в непрестанной и чистой молитве, — стало быть, не напрасно он трудился; нет молитвы, — стало быть, тщетны все его старания, все его подвиги: без благодатнаго плода они бессмысленны и бесполезны. Поэтому уже в самом „чине пострижения“ мы слышим напoминание монаху приучить себя к „всегдашней молитве Иисусовой“, — „всегда бо, говорится там, имя Господа Иисуса во уме, в сердце, в мысли и во устех своих имети должен еси, глаголя присно: Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешнаго“.

Но это постоянное воспоминание имени Иисусова, постоянное молитвенное горение ко Господу и есть то состояние веры, в котором — наше спасение, есть пребывание самым делом в общении со Христом. К сохранению этого общения, к поддержанию этого светильника веры направлены и все другія особенности и подвиги иноческой жизни. Монах бросает родных, друзей, всякія вообще земныя привязанности, отказывается от всяких своих жизненных планов за тем, чтобы одному Христу принадлежать, чтобы Ему одному поручить свою душу и ея вечное спасение. Монах добровольно обрекает себя на всякую скорбь и тесноту, обещается претерпеть всякое озлобление и обиду затем, чтобы этим окончательно разрушить гнездящееся в тайниках своего сердца самолюбие, которое хочет жить для себя. У каждаго

ведь из нас есть свой излюбленный мирок, в котором мы запираемся от других, есть привычный жизненный строй, который мы всячески бережем от постороннего вторжения. Это и есть оплот нашей самости, каждое непрощенное прикосновение к которому для нас бывает всегда в особенности болезненно, и поступиться которым в пользу других бывает всегда особенно трудно. Его-то и должен прежде всего разрушить монах, чтобы все свое существо безраздельно открыть для Христа, чтобы сказать с Аноστόлом: „живу не ктому аз, но живет во мне Христос“ (Гал. 2, 20).

Принятие монашества не отрицает-ли в корне посвятить себя на служение Церкви для получивших богословское образование. — Я думаю, что пастырь тодько тогда и будет истинным пастырем, когда он будет монахом, хотя бы только в душе, когда он усвоил в себе основное настроение подвижника: это постоянное устремление к Богу, постоянное бодрствование на духовной страже, потому что только в сознании этого непрекращающагося живаго общения со Христом пастырь можот почерпнуть для своего многотруднаго пастырскаго делания и источник благодатнаго воздействия на вверенныя ему души.

Учителем может быть всякий, кто хорошо изучил христианское учение и много испытал в жизни. Но быть пастырем, то есть взять на себя немощи человеческия, поднять на своих раменах падшую душу из глубины греховныя и вознести к Отцу Небесному, может только тот, кто может сказать, вместе с Апостолом: „Для меня жизнь — Христос, а смерть — приобретение“ (Филип. 1, 21) кто, забыв себя и все в мире, живет только Христом и желает Ему угождать.

В самом деле, что другое может заменить для пастыря это настроение. Может быть любовь к человечеству, к ближним вообще. Но чем тогда деятельность христианскаго пастыря будет отличаться от обыкновенной масонскои филантропии, которая тоже заботится и о материальном, телесном довольстве и благополучии человека и о его умственном просвещении, но никогда не в силах возродить его

души. А этого возрождения и ищут от пастыря прежде всего и главное всего.

Может быть любовь к своему народу может заменить в пастыре недостаток внутреннего подвижничества. Но относительно национального чувства в связи с пастырством всегда нужно помнить слова Евангелия: „Кто хочет душу свою спасти, тот погубит ее, а кто погубит душу свою Мене ради и Евангелия, тот спасет ее“ (Марк 8, 35). Пока пастырь живет лишь национальными чаяниями, пока он любит свой народ более, чем Церковь и Христа, он не принесет настоящей пользы и своему народу. Не имея веры в себе, не зажжет он верою и своей паствы, хотя может построить для нея школ и всяких благотворительных учреждений. Не зажегши-же верою, он и не будет участвовать в созидании того незыблемаго народного достояния, того сокровища духа, той крепости веры, которая одна в силах сохранить народ, не смотря ни на какие исторические потрясения, ни на какие превратности судьбы его.

Быть пастырем и приносить плод может только тот, для котораго жизнь Христос, а смерть — приобретение, кто ради Христа от всего отказался, готов всем пожертвовать и все перенести, лишь-бы быть угодным Ему; приводить ко Христу может только тот, кто сам постоянно с Ним: спасти других может только тот, кто сам спасается.

Быть может мы слишком неумеренно долго остановились на предшествующих разсуждениях, но мы считали необходимым для себя предварительно ясно очертить и определить место, какое по своей идее иночество должно занимать в общей жизни христианских народов, показать его право на особое существование, выяснить его нравственное социальное значение. Нам нужно было насколько возможно полнее выяснить и раскрыть идею монашества и защитить ее от разнаго рода нападений.

Даже в самом иночестве не редко встречается вопрос: какой путь подвижничества более угоден Богу: созерцательный или практический и какой из них более соответствует задачам и целям иноческой жизни. Ответить на это опреде-

ленно нельзя, потому что тем и другим одинаково можно достигнуть одних и тех-же результатов. Истину одинаково можно созерцать, как в живых образах, так и в отвлеченных понятиях, смотря по расположению и направлению познавательных способностей самого созерцателя. Подобным-же образом и аскетических целей можно достигать одинаково и путем созерцательной жизни — бдением, постом и молитвами, и практическим усиленным трудом, требующим особенного напряжения физических сил человека, потому что тот и другой путь одинаково ведет к умерщвлению разного рода гнездящихся в человеке страстей, препятствующих ему исключительно посвятить себя нравственно-религиозным интересам. Дело в этом случае решается личными особенностями и расположением иночествующаго лица к тому или другому пути аскетической жизни. А так как на Валааме большинство иночествующей братии составляют крестьяне, которые с малых лет, будучи вынуждены вести борьбу с физическою нуждою, привыкают упражнять волю свою мускульным трудом, то само собою разумеется, и целей аскетических они расположены достигать способом, более соответствующим их внутреннему расположению, то есть практическим.

Простой и неученый часто бывает неспособен возвыситься до понимания внутренней, неведомой борьбы человека с своими самолюбивыми и похотливыми инстинктами, ему непонятны те неизглаголанная молитвенная воздыхания, которые являются результатом внутреннего раздвоения человека и происходящих отсюда ужасных психологических страданий, как человек с одной стороны горит любовью к Богу, с другой — сознает в себе множество грехов, удаляющих его от Бога. Вследствие такой неспособности возвыситься до понимания внутренней, психологической борьбы, является непонимание и того, киким образом человек одной молитвою и постом может угодить Богу. Подобным-же образом и человек, привыкший жить исключительно психической жизнью и испытывавший тяжесть внутренней борьбы с косными, себялюбивыми началами внешнего человека, отвы-

кает иногда ценить надлежащим образом физический труд и внешнюю, практическую деятельность, состоящую в борьбе со стихийными началами видимой природы, и становится неспособным понять, каким образом занятие бранными вещами может приблизить к истинному Богу. Здесь забывается, что когда такое занятие основано на религиозном начале, когда все усилия человеческия опираются на помощь Божию, то с одной стороны, в этом случае обуздываются и умерщвляются в человеке различные страсти, так как постоянные, усиленные труды не дают почвы к возникновению и развитию греховных помыслов, а с другой — всякий шаг вперед, всякая победа в этой борьбе, дающая торжество человеческому духу над внешнею природою, заставляют его чувствовать благодетельную премудрую руку Божию.

Таким образом занятие бранными вещами не всегда сопровождается удалением от Бога, случается, что оно напоминает и о благодати Его.

Мы выяснили основания, в силу которых мог возникнуть вопрос: какой путь подвижничества более угоден Богу. Спор между созерцательным и деятельным иночеством есть плод простого недоразумения. Эти два направления не исключают себя взаимно, но представляют только различные стороны одной и той-же идеи. Как о сем говорится в святоотеческом писании: „Кто, показывает в себе ведение осуществляемым деятельностью, и деятельность одушевляемую ведением, тот обрел точный способ истиннаго в нас Богодействия. Кто же имеет какую либо из сих черт раз’единенною с другою, тот или ведение сделал пустой фантазией, (не утвержденною, влающеюся), или деятельность превратил в бездушнаго идола. Ибо ведение недейтельное ни чем не разнится от мечтаний фантазии, не имея в подтверждение свое деятельности, и деятельность не осмысленная есть тоже, что идол, не имея одушевляющаго ее ведения“.

Итак необходима и практическая деятельность, если только при практическом направлении деятельности иноков не будет опускаемо из внимания главное и существенное, именно: что эта деятельность только средство к достижению высших

аскетических целей. Но разумеется, как скоро это главное и существенное останется в стороне и то, что было средством, станет целью, то тотчас-же забудется истинный Бог и иноческая община превратится в социалистический союз, простую рабочую общину с культом светского, мирского идолослужения, в котором не останется в презрении ни один божок, созданный человеческой прихотью и свивший себе прочное гнездо на современном модном олимпе.

Валаамцы, по причине тяжелых условий окружающей их северной природы, вынуждены к заботе о духовном своем росте присоединить и необходимость усиленной борьбы с трудными физическими условиями своего обитания. Здесь воин Христов, за великую любовь к Богу и глубокое смирение, как бы несомый на крылах Божественной помощи и благодати, под'емлется на многотрудную высоту тяжелых подвигов: руководимый своими старцами, он также энергично предается созерцательной жизни, труду молитвенному, богомыслию, духовной беседе с Господом и Его святыми, в святых богослужениях, в своих усердных молитвословиях за весь мир, с его скорбями и печальми, не тесно вмещаемый в тихом, скромном, любвеобильном сердце каждого из подвижников, — как и должен заниматься физическим трудом, препобеждая дикую природу края, не зная ни утомления, ни отдыха, и заботясь лишь о том, чтобы лучше возделать и крепче охранить свой благословенный Валаамский уголок.

Таков идеал монашества. И как бы ни ослабело монашество, оно никогда не отречется от своего идеала. Истинный монах никогда не скажет, что идеал надо приспособить ко времени. Ослабить строгость можно в силу более трудных обстоятельств, но снизить идеал, — это измена, подобная измене своему знамени.

Ослабел и Валаам в своей строгости, но это повергает всех его верных сынов в еще большее покаяние и устремленность к идеалу.

Аскетизм и монашество.

Под именем аскета обыкновенно разумеют подвижника или монаха, проводящего жизнь в самоумерщвлении плоти. Но такое понятие об аскете и аскетизме слишком ограничено и односторонне. Под именем аскета нужно разуметь всякого христианина, борющегося теми или другими способами с греховными влечениями своей плоти, а под именем аскетизма — совокупность всех тех характеристических средств, с помощью которых христианин направляет себя на путь добродетели.

Аскетизм и добродетель — понятия, до некоторой степени, совпадающие по своему содержанию. Как в классической литературе, так и у древних св. Отцов Церкви под аскетизмом понималось сознательное и целесообразное применение тех средств, которые вели к добродетели. Аскетизм, в особенности в употреблении этого слова св. Отцами, есть такое упражнение, которое вело к достижению нравствен-

наго совершенства, к осуществлению идеала добродетели, к действительно-нравственной жизни. Поэтому изучивший историю христианского аскетизма не может ограничиваться узким понятием об аскетизме, как только о монашеском подвижничестве, но понимает вопрос шире, полнее. Аскетами могут быть, и бывают, не только люди, удалившиеся из мира для спасения своей души, но и миряне самых различных общественных положений. История аскетизма включает в себе много примеров такого рода и повествует о выдающихся подвигах аскетизма, не только среди монахов, но и среди мирян.

Далее, аскетизмом должно называть не только такие действия, направленные на умерщвление греховных склонностей, которые берет человек на себя добровольно, но и всякое действие, направленное к той-же цели, применяемое к человеку со стороны, как, например, со стороны духовной власти, церковного суда, духовника или требованием монашеского устава и тому подобное. Иначе говоря, аскетизмом является, не только подвиги самоумерщвления плоти, принятые человеком добровольно, но и всякия действия, совершаемая христианином помимо своей воли и даже вопреки ей, но направленные к той-же цели.

В вере есть две стороны: теоретическая и практическая, нахождение смысла и созидание его. Осмыслить жизнь можно только через отрешение от мира, в смысле превозмогания его притязаний иметь главное значение, и утверждение себя в сверхмирной вечной основе бытия. Но если ~~под~~ отрешенностью понимать уход от жизни, то это будет чистым недоразумением. Духовная ориентировка не обезсмысливает для нас жизни, а открывает нам широту кругозора, тоже и в области практической, в сфере действительной жизни.

Искание смысла жизни есть борьба за него, внутреннее делание. Мы впервые обретаем себя, когда жертвуем своею приверженностью к благам мира сего и укрепляем свое существо в Боге, но этим самым мы глубочайше связываем себя со всем живущим на земле, и прежде всего к нашим ближним. Авва Дорофей говорит, что люди, как радиусы:

чем ближе к центру круга, тем ближе друг к другу. Заповедь: „люби ближняго, как самого себя“ вытекает из любви к Богу: дети Единого Отца видят единствениую опору и основу своей жизни и не могут не быть братьями, не любить друг друга.

Ошибочно мнение, что когда человек погружается в самого себя — он уходит от людей и теряет с ними связь. Никогда человек не бывает таким одиноким, как когда он разменивается на внешнее общение, на „жизнь в обществе“. Никто не достигает такого чуткого понимания чужой жизни, как отшельник, молитвенно проникший к первоисточнику жизни. Внутреннее делание есть работа не для одного, а для всех.

Настоящее основное дело человека состоит в действенном утверждении себя в Первоисточнике жизни, в творческом усилии укрепиться в Нем и тем действенно осуществить смысл жизни. Оно состоит в молитвенном подвиге, обращенности нашей души к Богу, в подвиге борьбы с нашей гордыней, нашим эгоизмом.

Чтобы творить добро людям, надо иметь само добро. Добро есть реальность, которую мы должны добыть, которою должны обладать прежде, чем благодетельствовать другим. Добывает и накапливает добро только подвижник и каждый из нас — поскольку он посвящает свои силы внутреннему подвигу. Каждый из нас, какое бы дело он ни делал, должен часть своего времени затрачивать на основное дело: накопление в себе сил добра, без которых все остальные дела становятся бессмысленными.

Молитвенный аскетический подвиг есть не праздная созерцательность, а тяжкий и плодотворный труд, основное, существенное дело каждого человека, без которого становятся бессмысленными все остальные человеческие дела.

Миллионы людей в Америке и Европе суетятся, делают дела, стараются обогатиться и в итоге ... создают пустыню, в которой погибают от духовной жажды.

Религиозное внутреннее делание — борьба с самим собою, есть основной труд человеческой жизни, закладывающий самый фундамент ея.

Духовная сила всегда сверх-индивидуальна. Опыт молитвенного духовного подвига постоянно подтверждает это, устанавливая невидимую связь между людьми, одинокий отшельник, невидимый и неслышимый никем, творит дело, сразу действующее на жизнь в целом и затрагивающее всех людей, Он делает дело более производительное, более общее, более захватывающее, чем самый умелый какой либо оратор или газетный писатель.

Только эта невидимая миру работа приводит нас в соприкосновение с теми недрами, в которых покоится чистое золото, подлинно нужное для жизни.

Кто живет вечным, и задачу своей деятельности видит в действенном обнаружении вечных сил независимо от их внешнего успеха — живет в душевном покое. Внешнее, мирское делание, должно стоять на надлежащем месте, чтобы мирскими нуждами, делами и удовольствиями не затемнить в себе сознания истины, сознания Бога, чтобы не опрокинуть духовного равновесия; тогда силы духа, питаемая изнутри, будут свободно изливаться наружу, ибо „вера без дел мертва“. Свет, идущий из глубины, озарит тьму во вне, тот живой Свет, который „просвещает всякого человека грядущаго в мир“, этот Свет — Христос, который есть: „путь и истина и жизнь“.

Посему благодатный аскетизм необходим для всех христиан. Да и по самому существу жизнь христианина есть аскетика; каждый христианин в сущности аскет, ибо он борется с диаволом и грехом, подвизается во Христе и со Христом, дабы освободиться от рабства греховного и наследовать небесную, вечную блаженную жизнь. Христианство требует от всех людей постоянного нравственного подвига, постоянной и неустанной духовной борьбы. Христианство не всех зовет в пустыни и в монастырь, однако всем без исключения повелевает подчинить свою бунтующую страстную плоть мирному духу. Аскетизм — как всегдашнее, постоянное деятельное и пламенное стремление дать торжество, господство духовному, небесному началу над плотным, земным, сделать тело достойным орудием духа — храмом

Божиим, преобразовать тело душевное в тело духовное, — обязательно для всех, не только для отшельника и монаха, но и для всякого, хотящего жить во Христе и по Христу, и в мирской, и в семейной, и в общественной жизни. Поэтому ложно возражение и предубеждение, что аскетизм нужен только одним монахам. И для мирян он также необходим. „Все законы у нас с монахами общи, кроме брака“ (Св. Иоанн Златоуст).

Здоровое религиозное чувство требует от нас не отрицания и упразднения мира, а только того, чтобы мы не принимали мир как безусловно самостоятельное начало нашей жизни, — будучи в мире, мы не только должны становиться сами не от мира, но в этом качестве должны еще действовать и на мир так, чтобы и он переставал быть от себя и все более становился от Бога. „Житейская жизнь сама по себе, при всем совершенстве своем, цены не имеет. Цену она может получить лишь тогда, когда одухотворится влиянием на нее духа, или когда она примет в руководительныя и заправляющия начала для себя — начала духа, то есть страх Божий, совесть и жажду Бога с недовольством благами земли, или покой в Боге. Между тем как духовная жизнь сама по себе имеет цену, делая человека таким, каким он должен быть по намерению Творца своего“ [Епископ Феофан).

„Итак, брось обычаи мира и всякое твое действие и всякий шаг так совершай, как повелевает закон Евангельский, и среди мира будешь жить как в пустыне. Между тобою и миром сие благозаконие станет как стена, из-за которой не будет виден мир. Он и пред глазами у тебя будет, но не для тебя. У мира будут свои чередования изменений, а у тебя свой чин и свои порядки. Он пойдет в театр, а ты в церковь; он будет танцевать, а ты класть поклоны; он будет на гуляньи, а ты дома в уединении; он в празднословии и смехотворстве, а ты в молчании и богохвалении; он в утехах, а ты в трудах; он в чтении пустых романов, а ты в чтении Божия слова и отеческих писаний; он на балах, а ты в беседе с единомысленными или с духовным

отцем; он в корыстных расчетах, а ты в самопожертвовании; он в мечтах страстных, а ты в богомыслии. Итак начертай во всем себе правила и заведи порядки жизни, противоположные обычаям мира, и будешь в мире вне мира, как в пустыне. Ни тебя не будет видно в мире, ни мира в тебе. Ты будешь в мире пустынножитель“ (Епископ Феофан).

В мире большинство не имеет ясного и правильного понятия даже о том, что разумеется под словом „страсть“. О том-же, как страсти развиваются в человеке, откуда происходят, как постепенно помрачают разум человеческий и порабащают все его существо; о том, какие оне влекут за собою последствия и при помощи каких орудий вести борьбу с ними и как от них избавиться, победить их, об этом большинство наверное не имеет ровно никакого понятия. А между тем это учение о страстях, столь подробно и ясно разработанное в творениях св. Отцов, гораздо важнее для жизни, чем все те науки, которые мы изучаем в школе и которыми большинство интересуется в жазни.

Разсматривая святоотеческое учение о страстях, понятным делается и ясным психологическая основания монашества, то, что заставляет человека оставлять мир и бежать в пустыню и монастыри. Самой лютой из всех страстей является гордость. Это злейший враг заповеди Христовой о любви к ближним, страсть, из которой вырастает по меньшей мере половина всего мирового зла. В основе ея лежит переоценка человеком своей собственной личности. Будучи немощным по уму, не будучи в состоянии обнять ни одной малейшей доли премудрости Божией, только в сем мире сокровенной, на каждом шагу заблуждаясь и отступая от истины даже сравнительно не в сложных вопросах, человек считает себя умным; ежечасно нарушая нравственный Евангельский закон, человек считает себя честным; ежеминутно совершая ложь, человек считает себя правдивым.

В результате такого самообмана, самообольщения является самолюбие — корень всех зол. Много вырастает из этого корня самых неприглядных ветвей. Главнейшие же из них следующие: обидчивость, осуждение, презрение, злоба; в

области-же мысли — суемудрие. Противоположною гордости добродетелью является смирение или смиренномудрие, — источник всего истинно-разумного и доброго. Вот черты, характеризующия эту добродетель: гордость обижается, смирение прощает и никогда не обижается; гордость осуждает, смирение всякого любит; гордость досадует, недовольствует, смирение за все благодарит, ибо все от Господа; гордость суемудрствует, смирение верит; гордость во всем полагается на свои силы, вследствие чего постоянно падает и заблуждается, смирение-же, не отвергая собственной инициативы, во всем полагается на помощь Божию; гордость нервничает, смирение благодушествует. Так учат нас св. Отцы, но не так думает большинство современного, так называемого, интеллигентного общества.

Тщеславие: „Прочия страсти просты и однообразны, а эта многочастна и многообразна и отовсюду и со всех сторон встречает воина Христова и когда он еще борется и когда уже является победителем. Ибо она покушается уязвить воина Христова и одеждою, и статностью, и походкою, и голосом, и работою, и бдениями, и молитвою, и постами, и уединением, и чтением, и познаниями, и молчаливостью, и повиновением, и смирением, и благодушием и как некий опаснейший камень подводный, покрытый вздымающимися волнами, в то время как не опасаются, причиняет внезапно бедственное кораблекрушение плывущим при благоприятном ветре“ (Добротолюбие, т. II, стр. 74).

Вот в чем заключаются психологические основания монашества, они глубоко коренятся в самой душе человека и представляют законную, вполне естественную реакцию живаго духа на поврежденную грехом, воинствующую плоть. Поэтому, монашество должно существовать и будет существовать до тех пор, пока есть на свете хоть одна чуткая душа, пока людская совесть не будет сожжена совершенно все сильнее и сильнее разгорающимся пламенем страстей человеческих. Если не будет монашеских общежитий — монастырей, то будут отдельные монахи, то есть уединенники, быть может и не в пустынях, а в мире живущие,

но порвавшие все прежние ложные связи с миром, с тем, чтобы установить с ним другие связи — новые, истинные. И только незнание человеком истины, непонимание природы своей, жизнь в самообольщении, вместо сокрушения могут привести человека к отрицанию принципа монашества.

Кто не сжог еще своей совести в пылу гордыни и тщеславия, тот может теперь утопить ее в вине или окончательно заглушить в шуме легких светских удовольствий. Не мало людей внемлют тому и погибают безвозвратно. Многие, но не все. У некоторых в конце концов дух берет перевес над плотью, душевные очи их просветляются и начинают ясно видеть, а ум ясно сознавать всю мерзость и ложь, которая их окружает, в которой они сами жили, которой наслаждались. О, сколь мерзкими представляются в этот момент все эти, так называемые, „земные блага“, державшие столько времени бедного человека в своих оковах и составлявшие прежде и смысл и цель жизни и чрез то чуть-чуть его не погубившие! Как жалок является сам человек, с его умом, вечно заблуждающимся, столько времени не могущим сознать истины, с его волей, не могущей противостоять соблазнам, вечно претыкающейся, вечно сбивающейся с прямого, истинного пути.

И как идти на служение ближнему своему, не укрепив своей немощи, не исправив своего окаянства? Как научить других, когда сам еще не научился различать добро от зла? Как врачевать душевные недуги братьев, когда сам весь с головы до ног „ранами уязвлен“ и более других, может быть, нуждаешься в благодатном исцелении? Как логично, как естественно и последовательно бежать в этот момент от всех этих „земных благ“, — обоюдоострых, оставив сей мир суетный и ложный, с его гордынею тревожной, со всей пустыней его дел . . . Как мило и привлекательно является тут уединение, — все равно пустыня-ли, монастырь-ли, или отдельная келлия, где легче человеку предаться изучению самого себя и воспитанию своего внутреннего „я“, — познать самого себя, очистить сердце от страстей, — научиться, при помощи других более опытных в духовной жизни по-

движников, отличать добро от зла и приучить, наконец, при содействии благодати Божией, свою лукавую и непокоривую волю сначала в этих облегченных условиях, а потом везде и во всем следовать по пути добра, то есть достичь духовного и нравственного совершенства. Ибо „кто живет в пустыне и безмолвии,“ — говорит Пр. Антоний Великий —, „тот свободен от трех искушений: от искушения слуха, языка и взора: у него одно только искушение в сердце“.

„Удалением от мира освободившись от чувственных встреч, мы живее становимся к духовным занятиям и они делаются нам сладостнее, потому что ум, свободный от рассеянности, начинает собираться в себе, а через то душа начинает чувствовать присутствие Божие; благоговейный к Нему страх и любовь становится ощутительнее, и чувства внешнего человека становятся покорнее внутреннему человеку. Потому то нам желающим спасения, но имеющим немощное и испорченное грехом естество, и полезно уединение. Так как ум чрез уединение и внимание к себе, видит исходящая из сердца и к нему приходящая мысли, а видя их сознает свою нечистоту и не вынося ее, стремится к очищению. Будучи-же не в силах очищаться сам собою, на опыте узнает немощь свою, нужду во Христе Спасителе. Тогда то он обращается к Его всемогущей силе, призывает всеблагое и всеильное имя Иисусово, с искреннейшим самого себя осуждением и с сердечною печалию молит да очистит, укрепит и подаст руку спасения. Таким образом, уразумев сперва свою немощь, узнает потом и спасение Божие, защищающее его во время брани внутренней. Ибо Господь близ всем призывающим Его во истине и сокрушенных духом. спасет. Узнавши-же свое спасение в чувстве сердца радуется не столько о полученном облегчении от находящихся нечистых помыслов, сколько особенно о благодати Божией и Промысле Его, сопричастующих ему и спасающих. А через то достигает живой веры достоверным ощущением в себе силы, не своей, но Христовой, почему с сердечною сладостию усиленно повергается к стопам Спасителя, и предает всего себя Ему, и с несомненною на Него

надеждою и любовью. Это предание себя и сердечное упование сообщает душе превосходный мир и радость, составляющее внутреннее царствие Божие, котораго Христос Спаситель и повелевает нам искать прежде всего. И оно-то по истине есть величайшее для человека блаженство, так что в сравнении с ним, всякое другое чувственное благо, желанное обыкновенно людьми представляется слишком грубым, и ничего не значущим и не стоящим никакого внимания“ (М. О.).

„Надобно стараться иметь ум в спокойствии. Ибо как глаз, когда он непрестанно движется и обращается то на стороны, то кверху и книзу, не может видеть ясно предметы, но, чтобы хорошо рассмотреть вещь, должен на нее устремить свое зрение. Так и уму человеческому, когда его развлекают мирския заботы, невозможно ясно видеть истину. Одно средство избежать сего — удаление от всего мира“ (Св. Василий Великий).

„Мое лучшее богатство — Христос, Который возносит ум мой горе. Для меня самое важное дело — бездействие“ (Св. Григорий Богослов).

Итак истинный монастырь есть „высшая школа любомудрия“, в котором всесторонне изучалась „единая на потребу“ наука о добре и зле; о том, где источники добра и зла, как зло возникает в сербце человека, как передается в мир и какими путями распространяется в нем, к чему оно приводит и где надо искать средства борьбы с ним. Далее, здесь всесторонне изучен человек как в его физической природе плоть, так в особенности и в духовной — свойства человеческого духа и законы духовной жизни человека, — изучено не на основании каких либо кабинетных отвлеченных разсуждений, но на основании широкого опыта над самим собою и наблюдения над подобными-же подвижниками — опыта не кабинетного, а жизненного.

Наконец высочайшие из вопросов — вопросы о Боге, о духовном безплотном мире, об отношениях этого мира к миру нашему видимому, о путях Промысла Божия и прочее. Все эти вопросы здесь изучены ниточнейшим и наивер-

нейшим способом. Вопросы эти не могут быть предметом так называемой „точной“ положительной науки; об'екты их не доступны нашим внешним чувствам, их нельзя ни посадить в банку, ни исследовать под микроскопом; умозрительный метод тут также недостаточен — наш ум, наше представление слишком немощно, чтобы обнять столь высокие предметы; самое большее, что ум человеческий может тут сделать, это подыскать то или другое об'яснение уже открытым иным путем фактам; остается третий путь и последний — это наше чувство, в связи с тонким самоанализом или, что тоже, путь внутреннего религиозного опыта. Только чувство может открывать факты в этой области, только этим путем и можно вполне убедиться, удостовериться в реальности и непреложности истин, сообщенных в откровении.

Возьмем, хотя бы например, учение и благодати. Удостовериться опытно в реальности этой силы и в ее свойствах можно не иначе, как только путем самоанализа, путем сравнения своего внутреннего „я“ своей души в благодатном и безблагодатном состоянии.

Тайна жизни христианской — есть тайна живаго общения Бога и человека, начинающагося на земле и продолжающагося в вечность.

Ибо Дух Святой обитает в Церкви Христовой, открывается тому, кто за послушание вере жаждет жить всей полнотой церковнаго сознания, поселяется в сердце человека за труды и поты благочестивой жизни, после долгаго испытания спасающагося, после закаления свободы его и в святом хранении ввереннаго таланта благодати.

Жизнь Церкви Христовой, земной и небесной, есть прежде всего жизнь действениаго Богообщения, жизнь Духа Святаго в сердцах верующих. „Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас“ (1 Кор. 3, 16).

„Я лоза, вы ветви; пребудьте во Мне и Я в вас“, говорит Христос . . . И христиане, привившись к Божественной Лозе Духом Святым, живущим в них, соединялись в один дух, в одного человека, в одно настроение. „Они,“ говорит Григорий Богослов, „читатели Единаго, стали едино, чтители

Троицы, так сказать, срослись между собою, стали едиными и равночестны“.

Духом Святым освящается вся жизнь истинного христианина. Весь процесс его спасения совершается при свете Богообщения, то скрытого, то явного. С малых ступеней оно ведет человека все к большему и большему постижению Божественной жизни и заканчивается совершенным Боговселением.

Богообщение и Боговселение: образно выражаясь, под первым термином понимается как бы внешнее, не полное единение Духа Божия с духом человека.

Человек чувствует Божественную силу, помогающую ему, что он и поддерживается только Божественною силою; но с другой стороны, также чувствует, что в его душе еще остается страстность, препятствующая ему совершенно успокоиться в Боге, что полноты Божественной силы в нем нет, что сердце не полно, неудовлетворено; ищет, жаждет иметь Бога в себе, любить Его всей полнотою своего существа, а этого между тем еще нет, ибо сердце отчасти любит и страстность.

Боговселение-же есть совершенный вид Богообщения, когда Дух Святой совершенно вверяется человеку и поселяется в нем.

Цель жизни — стяжание Духа Святого, стяжание Его вселения, проникновения Им всего человеческого существа. Если нет стремления к этому, жизнь с христианской точки зрения — безцельна, бессмысленна и пуста.

Это жизнь без Бога, без души. Но чтобы стяжать Духа Святого, надо принести труды и поты сердечные, надо убрать для Него храмину сердца. Вот эта-то уборка собственной храмины сердца и есть самое первое, самое нужное и необходимое дело в христианстве. Уготавливая храмину сердца своего для Духа Божия христианин изменяет эгоистическое греховное содержание своей личности на любовное, святое; он чрез изменение собственного внутреннего существа становится любвеобильным служителем и помощником ближних, а, озаренный светом живущаго в нем Духа Божия, является

мощным носителем всесозидающей, всеустраивающей силы Божией, могучий верою, полный любви и молитвы о всем живущем.

Здесь разрубается узел пререканий. Индивидуализм сочетается в идеальнейшей форме с широтой всеобъемлющей любви и полнотой общественного служения для немощного, лишенного духоносной силы жизни, падшего человечества.

На этих ступенях духовной жизни человек сподобляется высших благодатных даров, которые делают многие вопросы высшего порядка ясными до очевидности.

Такой человек постоянно, так сказать, зрит своими внутренними очами Бога и не нуждается ни в каких философских выводах и рассуждениях.

Будучи вышею школою любомудрия для лиц совершенных, истинный монастырь является лучшим училищем подвижничества. Но самое важное значение истинного монастыря это то, что он является врачебным пунктом, лечебницей для многочисленных, тяжких по своим последствиям и для самого страждущаго и для общества и для ближних — недугов человеческого духа.

Искать-ли нам подтверждения высказанных мыслей в слове Божиим и в писаниях св. Отцев? Кто хоть немного интересовался внутренней жизнью христианской, читал творения людей, живших этой благодатной жизнью, и оставивших нам указания на то, как созидали они в себе духовную жизнь, — тот знает отлично общую схему христианского спасения. — Это очищение сердца, труды и поты за радость Богообщения, за жизнь в Боге. Это — борьба с грехом, трудничество в первой половине пути спасения и упование в Боге, блаженное Боговселение во второй и последней.

Христианство — единственная религия в мире, допускающая возможность и осуществляющая человеку то, что она обещает Царство Божие внутрь, Духа Святаго в сердца верующих, — и Царство Божие воистину приходит в сердце нудящего его, и Дух Святой вселяется в душе, уготованной для Него и обитает в ней.

Эта истина веры Христовой доступна самой строгой про-

верке и она подтверждается опытом безчисленного сонма людей, посвятивших Богу свою жизнь, она ярко запечатлена в устном и письменном церковном предании, ею живет все ленское церковное сознание.

„Кто старается уверовать и придти к Богу“, — говорит Макарий Великий, — „тому надлежит молиться, чтобы здесь еще приять Духа Божия, потому что Он есть жизнь души, и для того было пришествие Господа, чтобы здесь еще дать душе жизнь Духа Святаго. Ибо сказано: „дондеже свѣт имате, веруйте во свет“ (Иоанн. 12, 36); „приидет ночь, егда не можете делати“ (Иоанн. 9, 4).

Посему, если кто здесь не искал и не приял жизни душе, то есть Божественного Святаго Духа, — то он во время ишшествия из тела отлучается уже на шую страну.

Как железо или свинец, золото или серебро, вложенные в огонь, теряют свойство жесткости, переменяя в вещества мягкия и, пока бывают в огне, по силе огненной теплоты, расплавляются и изменяют естественную жесткость: таким же образом и душа, отрекшись от мира и возлюбив Единого Господа, с великим сердечным исканием, в труде, подвиге, непрестанно ожидая Его с упованием и верою, и прияв в себя оный небесный огонь Божества и любви Духа, действительно, уже отрешается тогда от всякой мирской любви, освобождается от всякого вреда страсти, все отменяет от себя, переменяет естественное свое качество и греховную свою жесткость, все почитает излишним в Едином Небесном Женихе, Котораго приняла к себе, упокоевается горячее и несказанной любовью к Нему.

Ум и разумение христиан по общению и причастию Святаго Духа достигают постоянства, твердости, безмятежия и покоя, не рассеиваются и не волнуются уже непостоянными и суетными помыслами; но пребывают в мире Христовом и в любви Духа, как и Господь, разсуждая о таковых, сказал, что прешли они от смерти в живот (Иоанн. 5, 24).

Обновлением ума, умирением помыслов, любовью и небесной приверженностью ко Господу от всех людей в мире отличается новая тварь — христианин. Для того было и

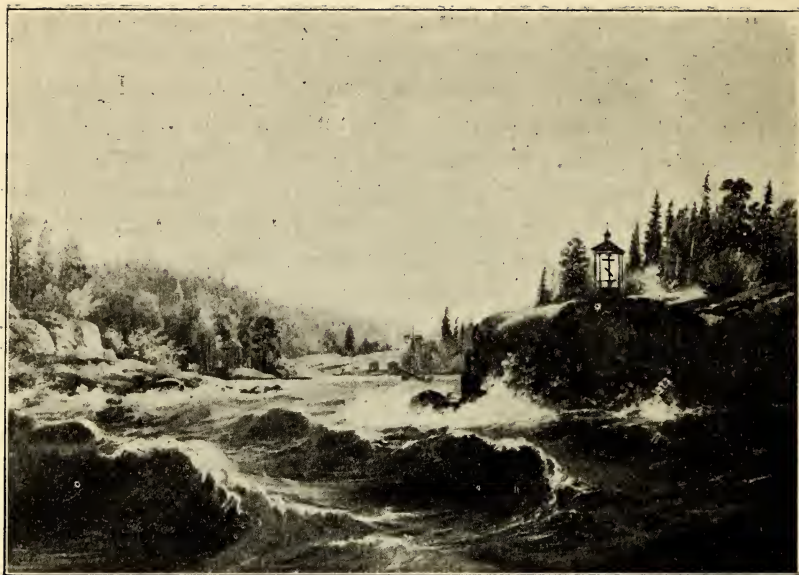
пришествие Господне, чтобы истинно уверовавшие в Господа сподобились сих духовных благ.

Господь призывает человека к покою, говоря: „Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас“ (Матф. 11, 28). И те души, которые покоряются и приходят, Он успокаивает от тяжких обременительных, нечистых помыслов и дел. Делаются они праздные от всякого беззакония, субботаствуют субботу истинную, приятную и святую, празднуют духовный праздник неизглаголанной радости и веселия, совершают от чистого сердца служение чистое и благоугодное Богу.

И это есть истинная и светлая суббота!

„Бог поставил в Церкви во первых Апостолами, во вторых пророками, в третьих учителями; далее иным дал силы чудодейственные, также дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки (I Кор. 12, 28), — к совершению святых, в дело служения, в созидание тела Христова“ (Ефес. 4, 12).

Монашество также не может составить всего тела, как и всякая другая наиболее полезная человеческая профессия, но оно есть член тела, важнейший, благороднейший, функцией которого является опытное изучение души человеческой, и законов человеческого духа и руководство человечества в его духовной жизни.

Единство идеала Христова.

Скаса́в об идеале монашества и об аскетизме, мы приводим теперь слова Иоанна Златоуста, где он говорит об единстве идеала Христова.

Святой Златоуст пишет: „Ты очень заблуждаешься, если думаешь, что иное требуется от мирянина, а другое от монаха; разность между ними в том, что один вступает в брак, а другой нет, во всем же прочем они подлежат одинаковой ответственности. Так, гневающийся на брата своего напрасно, будет ли он мирянин или монах, одинаково оскорбляет Бога, и взирающий на женщину во еже вожделети ея, будет ли он тем или другим, одинаково будет наказан за это прелюбодеяние (Мф. 5: 22—28). Если же можно прибавить что либо по соображению, то мирянин менее извинителен в этой страсти, потому что не все равно, тот ли прельстился красотою женщины, кто имеет жену и пользуется этой утехой, или будет уловлен этим грехом тот, кто вовсе не имеет

такой помощи (против страсти). Также клянущийся, будет ли он тем или другим, одинаково будет осужден, потому что Христос, когда давал касательно этого повеление и закон, не сделал такого различия и не сказал: если клянущийся будет монах, но нет, а просто и вообще всем сказал: Аз же глаголю вам не клятися всяко (Мф. 5: 34). И еще сказав: горе смеющимся (Лук. 6: 25), не прибавил: монахам, но вообще всем положил это правило; так Он поступил и во всех прочих, великих и дивных повелениях. Когда, напр., Он говорит: блажени нищии духом, плачущии, кротцыи, алчущии, и жаждущии правды, милостивии, чистии сердцем, миротворцы, изгнани правды ради, несущии за Него от внешних (неверующих) упомянутыя и неупомянутыя поношения (Мф. 5: 3—11), то не приводит названия ни мирянина, ни монаха: такое различие привнесено умом человеческим. Писания же не знают этого, но желают, чтобы все жили жизнью монахов, хотя бы имели жен. Послушай, что говорит и Павел, (а когда говорю о Павле, говорю опять о Христе). Павел-же, в послании обращаясь к людям, имеющим жен и воспитывающим детей, требует от них всей строгости жизни, свойственной монахам. Так, устраняя всякую роскошь и в одежде и в пище, он пишет такие слова: жены во украшении лепотном, со стыдением и целомудрием да украшают себе, не в плетениях ни златом, или бисером, или ризами многоценными (1 Тим. 2: 9); и еще: питающаяся прстранно жива умерла (1 Тим. 5: 6); и еще: имеюще пищу и одеяние, сими довольни будем (1 Тим. 6: 8). Чего еще больше этого можно было бы требовать от монашествующих? А научая удерживать язык, он опять постановляет строгия правила, такие, которые исполнить трудно и монахам, потому что устраняет не только срамныя и глупыя речи, но и шутовския, изгоняет из уст верных не только ярость и гнев и обиду, но и крик: всяка, говорит, ярость, и гнев, и клич, и хула да возмется от вас, со всякою злобою (Еф. 4: 31). Или мало тебе кажется этого? Подожди и услышишь гораздо больше о том, что Он заповедует всем о незлобии. Солнце, говорит, да не зайдет во гневѣ вашем (Еф. 4: 26), блюдите,

да никтоже зла за зло кому воздаст: но всегда доброе гоните и друг ко другу и ко всем (1 Фес. 5: 15); и еще: не побежден бывай от зла, но побеждай благим злое (Рим. 12:21).

Послушай также, что заповедует Он о любви — главе добродетелей: поставив ее выше всего и сказав о ее действиях, он объяснил, что от мирян он требует той же любви, какой (требовал) Христос от учеников. Как Спаситель сказал, что самая высшая степень любви состоит в том, чтобы душу свою полагать за друзей своих (Иоан. 15: 13), так и Павел выразил то же самое, сказав: любви не ищет своих си (1 Кор. 13: 5), и к такой-то любви заповедал стремиться; так что, если бы только это одно было сказано, было бы достаточно для доказательства, что и от мирян требуется то же самое, что и от монахов, потому что любовь есть связь и корень многих добродетелей, а Павел излагает ее и по частностям. Чего же можно требовать больше этого любомудрия? Когда он повелевает быть выше гнева, и ярости, и крика, и любостыжания, и чревоугодия, и роскоши, и тщеславия и прочаго житейского и не иметь ничего общего с землею; когда заповедует умертвить уды (Кол. 3: 5), то очевидно требует от нас такой же строгой жизни, какой (требовал) от учеников Христос, и желает, чтобы мы были так же мертвы для грехов, как умершие и погребенные. Посему и говорит: умерый свободися от греха (Рим. 6: 7). А в иных местах он увещавает нас подражать Христу, а не только ученикам Его; так, когда убеждает нас к любви, к непамятозлобству и кротости, то приводит в пример Христа. Итак, если (Павел) повелевает подражать не монахам только и даже не ученикам, но Самому Христу, и неподражающим назначает величайшее наказание, то почему ты называешь их высоту большею? Всем людям должно восходить на одну и ту же высоту; то именно и извратило всю вселенную, что мы думаем, будто только монашествующему нужна большая строгость жизни; а прочим можно жить безпечно. Нет, нет; от нас требуется, говорит он, одинаковое любомудрие: это весьма хотел бы я внушить; или — лучше — не я, но Сам Тот,

Кто будет судить нас. Если же ты еще удивляешься и недоумеваешь, — то вот мы опять почерпнем для слуха твоего из тех-же источников, чтобы тебе совершенно омыться от всякой нечистоты неверия. Я представлю доказательство от наказаний, имеющих быть в тот день (суда). Богач не за то много наказан, что был жестоким монахом, но — если можно сказать нечто в пояснение, — за то, что будучи мирянином и живя в богатстве и пурпуре, презирал Лазаря в крайней бедности. Впрочем, не скажу ни того, ни другого, а только то, что он был жесток и за это терпел тягчайшие муки в огне . . . Я стараюсь теперь доказать, что жизнь монахов не делает наказаний более тяжкими, но что и миряне подвергаются тем же самым наказаниям, если грешат одинаково с ними. Так и одетый в нечистую одежду (Мф. 22: 1—13) и требовавший (с должника) сто динариев (Мф. 18: 23—24) потерпели постигшие их беды не за то, что были монахи, но первый погиб за блудодеяние, а последний за злопамятство. Если кто посмотрит и на других, которые будут тогда наказаны, то увидят, что они подвергаются наказаниям только за грехи. Это можно заметить не только в наказаниях, но и в увещаниях. Такъ, (Господь), говоря: приидите ко мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы; возьмите иго Мое на себе и научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим (Мф. 11: 28—29), говорит это не одним только монашествующим, но всему человеческому роду. И когда Он повелевает идти тесным путем (Лук. 13: 24), то обращает речь не к одним только одним, но ко всем людям; одинаково всем заповедал Он ненавидеть душу свою в мире сем (Иоан. 12: 25) и все прочее тому подобное . . . Итак, впредь думаю, и монаху должно достигать одинаковой высоты, и что оба они, в случае падения получают одинаковые кары“ (К верующему отцу, слово 3 гл. 14).

При пострижении в монашество, постригающий спрашивает постригаемого: „Отрицаешься-ли мира и сущих в мире по заповеди Господней?“ Слышите: — по заповеди Господней. Отречение от мира называется заповедью Господней,

то есть уж без всяких сомнений чем-то общехристианским. Да, конечно, это заповедь Божия для всех христиан. Припомните из Евангелия: „Царство Мое не от мира сего“ (Иоан. 18: 36). „Они не от мира, как и Я не от мира“ (Иоан. 17: 14, 16). „Мир вас ненавидит“ (Иоан. 15: 18). „Мир возненавидел их“ (Иоан. 17: 14). О ком здесь речь? О монахах? Нет, конечно, — о христианах вообще. А припомните речи апостольския: „Не любите мира, ни того, что в мире“ (1 Иоан. 2: 15). „Дружба с миром есть вражда против Бога“ (Иак. 4: 4). „Рожденный от Бога побеждает мир“ (1 Иоан. 5: 4). „Тот, кто в вас, больше того, кто в мире“ (1 Иоан. 4: 4). Отрекаться то от мира должен всякий, кто не хочет быть во вражде с Богом, — не одни, следовательно, монахи, но все христиане. Что-же такое мир и что значит от него отрекаться?

Вот что отвечают на этот вопрос величайшие наставники монахов и лучшие авторитеты по вопросам христианского нравоучения — святые отцы — подвижники.

Слушайте, что говорит св. Василий Великий, так много заботившийся об устроении жизни монашеской.

„Удаление от мира не в том состоит, чтобы телом быть вне мира, но чтобы душою оторваться от пристрастия телу“. Миром священное писание, по словам Златоуста, называет злые дела (на Еф. бес. 22: 3). „Нам, пишет Марк подвижник, не повелено любить мира и всего, что в мире. Не в том смысле получили мы такую заповедь, чтобы безразсудно ненавидели мы творения Божии, но чтобы отсекали поводы к страстям“. „Мир“, говорит пр. авва Исаия, „это когда мы исполняем желания плоти, когда больше о теле заботимся, нежели о душе“ (Слово 21). Но самое точное определение „мира“ дает пр. Исаак Сириянин: „Мир есть имя собирательное, обнимающее собою то, что называется страстями. Когда хотим назвать страсти в совокупности, называем их миром. Сказать короче, — мир есть плотское житие и мудрование плоти, поскольку христианин не исполняет требования — жить во плоти, но не по плоти“ (Слово 30).

Вот, что значит на языке аскетическом слово „мир“. —

„Мир“ — это совокупность страстей. Неужели только монахи должны отречься от страстей? Конечно, не одни монахи. Отречение от мира есть заповедь Господня для всех христиан. Обет отречения дали и, миряне. Где и когда? При крещении. Нас всех спрашивали тогда, отрицаемся-ли мы сатаны и всех дел его? Восприемники за нас отвечали: отрицаюсь! И еще спросили нас, отреклись-ли мы от сатаны, — и был наш ответ: отрекохся. Потом мы плюнули на сатану. Ведь мы отрекались именно от того, кто в мире, по слову Христову. Мы сочетались Христу. Жаль, что миряне, когда вырастут, даже и не смотрят чина крещения. У нас есть весьма среди мирян распространенный предразсудок, будто аскетизм — специальность монахов. Слова: „монах“ и „аскет“ у нас употребляются в качестве синонимов. Под „аскетизмом“ в прямом и собственном смысле следует разуметь вообще планомерное употребление, сознательное применение целесообразных средств для приобретения христианской добродетели, для достижения религиозно — нравственного совершенства. Православие, признавая „совершенство“ общехристианским требованием, считает и аскетизм общехристианской обязанностью, осуществляемую в различных формах.

Церковные проповедники говорят об отречении от мира еще во втором веке, когда и монахов-то вовсе не было, между тем миряне теперь так часто говорят: „но мы от мира не отрекались“. Совершенная бессмыслица с православной точки зрения! Не отрекались от мира, значит нет различия между добром и злом, пороком и добродетелью, не нужна никакая борьба со страстями. Ведь страсти-то и составляют мир, от которого будто бы не отрекались миряне.

Отрекаясь от мира, монах никакого нового христианства не создает, не ставит для себя какого-то особенного идеала. Без отречения от мира, без борьбы со страстями, без аскетизма никакое духовное совершенствование невозможно.

Во всех монашеских обетах осталось у монахов специально-монашеское только одно безбрачие. Все добродетели одинаково обязательны и монахам и мирянам, но в этом

пункте монашеская жизнь от мирской уже отличается. Выше, в начале у нас приведены слова Святителя Иоанна Златоуста. Повторим из них и сейчас три строчки: „Разность между ними (монахами и мирянами) в том, что один вступает в брак, а другой нет, во всем-же прочем они подлежат одинаковой ответственности“.

В заключение скажем, что принятие монашества не ставит человека сразу в нравственном отношении выше всех мирян. Принимая монашество, мы лишь становимся на путь. По пути нужно идти вперед, идти с трудом и тяжелой борьбой, идти к высокой цели, а цель у нас с мирянами одна.

В подтверждение всего вышеизложенного мы полагаем, что вопрос об единстве идеала Христова словами Отеческих писаний раскрыт и решен совершенно достаточно, ясно и убедительно.

Папинниemi,
8. VI. 1943.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
BV5039
.R9
A75
1943

